

Курт Вайлеман, журналист пенсионного возраста, получает загадочное послание от одного коллеги, который вскоре после этого погибает. В Вайлемане срабатывает старый инстинкт расследователя, и он пускается на поиски правды, но тут начинается охота на него самого.

Шарль Левински разворачивает классическую детективную историю на довольно зловещем фоне: в недалеком будущем, когда в Швейцарии правит национал-популистская партия большинства.

Шарль Левински — известный литературный универсал. Со своим острым пером и даром наблюдательности он виртуозно осваивает самые разные жанры. На сегодняшний день он один из самых читаемых писателей Швейцарии.

В России выходили его романы «Геррон» (М.: Эксмо, 2013), «Андерсен» (СПб.: Алетейя, 2017), ожидается выход романа «Kastelau» в издательстве Corpus (Москва).

Редакция журнала «Алтай» знакомит своих читателей с отрывком из романа, который выйдет в издательстве «Алетейя» в начале будущего года.

Старики — они и есть старики. Ходячие грыжевые бандажки и двуногие медицинские стельки. И сам Вайлеман ничем не лучше, хотя на нем все же не так много ржавчины, как на том старом железе, что было вокруг.

Многие пассажиры автобуса были знакомы между собой — наверное, уже не раз участвовали в таких пенсионерских поездках и громко обменивались через ряды своими воспоминаниями. Один седовласый господин уже трижды ездил к монастырю Мури и всякий раз прогуливал обязательный органный концерт, потому что там поблизости подают такие гигантские меренги и за такую цену, по которой в Цюрихе не получишь и пирожное с кремом.

— Это просто музыка, — сказал он, и поскольку никто не смеялся его шутке, он сделал это сам.

Все билеты на экскурсию были проданы, и не было надежды захватить себе оба места на сиденье, а женщина рядом с ним — дважды вдова, как она сообщила ему сразу же, как только сели, — была болтушкой из тех, кому на похоронах надо отдельно закрывать рот, иначе они и в могиле никому не дадут покоя. На жакете рядом с гербом своего кантона она приколола гербы своих умерших супругов, и судя по тому, как она сразу к нему придвинулась, она не имела ничего против того, чтобы расширить эту коллекцию трофеев еще на один экземпляр.

Крепость не относилась к самым популярным местам Швейцарии, но ее общепит имел хорошую славу; тот седовласый старик грезил не только меренгами, но и советовал попутчикам сегодня в Бургкеллере непременно заказать жареного цыпленка, дескать,

один этот цыпленок уже стоит поездки. Этот совет хорошо подошел для планов Вайлемана: пока тот цыпленок зажарится до хрустящей корочки, пройдет изрядно времени, а если еще учесть, сколько его понадобится старичкам с их искусственными зубами, чтобы обглодать все до косточки, то времени хватит на то, чтобы незаметно удалиться в Дом Вечерней зари и там подождать Лойхли. И потом сразу вернуться в Бургкеллер, где все остальные еще будут сидеть за своим кофе с двойными сливками. Свой отказ от обеда он сможет обосновать проблемами с пищеварением, в такой компании ему поверит любой: никто из его спутников не выглядел так, будто проводит день без слабительного.

— Вы недослышите? — его соседка толкнула его в бок. — Я уже дважды вас спросила.

— Простите. Я задумался.

— Совсем, как мой второй муж. Он тоже не хотел признаться, что не слышит. А потом все пошло очень быстро. Опухоль мозга. Она давила ему на слуховой нерв. Вы еще не пробовали обследоваться?

— Мне очень жаль, я действительно... О чем вы меня спросили?

— Как вы относитесь к смертной казни. Я-то нахожу, что хорошо было бы снова ее ввести. Тюрьмы обходятся нам слишком дорого. А если отпускать людей, они будут делать то же самое. Если вы меня спросите: все беды начались с тех пор, как запретили бить детей. Чему не научился Гансик, тому Ганс уже не научится, а затрещина еще никому не повредила.

— У вас есть дети?

— Да при чем здесь это? — обиженно спросила женщина и после этого действительно молчала пару километров.

Их автобус был единственным на парковочной площадке, что мужчина с кулинарными интересами нашел весьма отрадным. Потому что однажды было так — он говорил об этом как об античной трагедии, — что в Бургкеллере оказались съедены все жареные цыплята, и подобное разочарование он не хотел бы пережить еще раз.

Окрыленная перспективой Бургкеллера, экскурсионная группа нигде надолго не задерживалась. Самую интересную часть выставки — пыточное подземелье — можно было посетить только в сопровождении экскурсовода во второй половине дня.

Вайлеман преувеличенно хромал — в надежде, что ему будет извинительно идти помедленнее и незаметно ускользнуть, но его соседка из автобуса уже поджидала его у спуска в Бургкеллер, нет, она не поджидала, а подстерегала его и сказала, что можно продолжить за обедом тот разговор, который так мило начался у них в автобусе. Кстати, заметила она, он забыл приколоть значок своего кантона, мужчины иногда так рассеянны, так из какого же он кантона?

Когда Вайлеман изложил ей свою отговорку для отказа от обеда — «желудок, вы же понимаете», — женщина кивнула так, будто ничего другого и не ожидала от него, и сказала, что у ее первого мужа начиналось так же, язва желудка, и Вайлеману необходимо основательно обследоваться.

— Что же столько лет выплачивать страховые медицинские взносы и так мало после этого болеть?

Судя по всему, она настроилась расширить с его помощью коллекцию своих значков с гербами кантонов, и ему пришлось спастись бегством.

— Но кофе мы потом выпьем вместе, — крикнула она ему вслед. Вайлеман сделал вид, что ничего не услышал.

Когда он потом умывался в туалете холодной водой, в зеркале на его лице не было видно никаких следов пережитого страха. Он глянул на часы и не поверил своим глазам: не прошло и часа, как он ушел отсюда, а ему показалось, что он провел в Доме Вечерней зари полжизни.

В ресторане все еще сидели за жареным цыпленком, а женщина с двумя покойными мужьями действительно держала для него место подле себя.

— Ну что, прогулка удалась? — спросила она и навязала ему крылышко пулярки и горку салата, отделив от своей порции, принесла для него из буфета тарелку и приборы и даже еще раз встала, потому что забыла взять бумажные салфетки.

После того, что осталось у него позади, будничность ситуации показалась ему жутковатой, каменные колонны, подпираю-

щие многотонные своды, были как тотемные столбы экзотической культуры. К счастью, его соседка и не рассчитывала на его равное участие в разговоре и была полностью удовлетворена, если он в нужном месте ее монолога успевал вставить «интересно!» или «надо же!».

Когда за столом другой экскурсионной группы громко рассмеялись, один из их автобуса не захотел отставать и громко потребовал тишины, чтобы рассказать анекдот. Дело происходит в будущем, когда уже снова ввели смертную казнь. Человек лежит на эшафоте, лезвие гильотины срывается вниз, и казненный с удивлением обнаруживает, что голова осталась на месте. На что палач ехидно замечает: «А вы кивните!» Одна женщина за столом не поняла сути, ей объяснили, после чего она в подтверждение своего чувства юмора смеялась вдвое громче остальных. Под всеобщий галдеж было решено заказать по стаканчику балласта, и соседка Вайлемана шепнула ему, что она вообще не пьет алкоголь. Но не возразила против того, чтобы стаканчик был заказан и для нее, ей не хотелось привлекать к себе недоброжелательное внимание, так она сказала.

— Да, — подтвердил Вайлеман, — я этого тоже не люблю.

Экскурсия в камеру пыток была назначена для их группы на половину третьего, но они уже за четверть часа толпились у двери, угрожающе утыканной железными шипами. «Опасно, кстати, — подумал Вайлеман, — когда в тамбуре такая теснота». Но когда их наконец запустили, он обнаружил, что шипы были вовсе не железные, а резиновые, имитация, как, собственно, и все, что предлагалось патриотическим посетителям этой крепости.

Экскурсию проводил пожилой господин с ухоженной седой бородкой; он представился как учитель истории на пенсии.

— Так что рассматривайте себя как моих учеников, — сказал гид, — я обещаю вам также, что вам не придется после этого сдавать экзамен.

Благодарный смех.

Первым делом им был представлен растяжной станок.

— Кто-нибудь желает добровольно стать опытным образцом? — спросил учитель истории, что вызвало еще больший смех, групповое веселье школьной экскурсии. Гид объяснил функции растяжного станка и предложил группе отгадать — должны же школьники участвовать в уроке, — после скольких поворотов рукоятки можно рассчитывать на первые разрывы суставов.

— В наши дни мы, к счастью, больше не зависим от таких приборов, — сказал он, — с хорошим видеонаблюдением преступников можно уличить и без таких грубых вспомогательных средств.

«А может, все-таки и были в Доме Вечерней зари камеры видеонаблюдения?»

— Кто из вас знает, что означает нашпигованный заяц? — Участник экскурсии, который специализировался на кулинарии, сразу же вызвался ответить и поднял руку, как в школе, но тут его знания о меренгах и жареных цыплятах оказались бессильны. Нашпигованным зайцем назывался утыканный шипами валик, который пристраивали к растяжному станку, чтобы катать его по осужденному туда и сюда. — Как яблоко по терке, и приблизительно с тем же эффектом.

Слушатели были зачарованы.

— А потом их раны не посыпали солью? — спросила одна дама добросердечного вида и была разочарована, когда референт сказал «нет», хотя идея, по его мнению, была хорошая — надо ведь хвалить учеников, это повышает их мотивацию, — но ему не приходилось читать о таком методе, возможно, это связано с тем, что соль тогда была очень дорогая.

«Стратеги конфедеративных демократов хорошо угадали с акцией возвращения смертной казни, — подумал Вайлеман, — пытки и казни явно были темой, которая увлекала людей».

Тиски для пальцев были представлены в разных модификациях, но они не вызвали у слушателей большого интереса. Они начали, как скучающие школьники, беседовать между собой, обмениваясь собственным опытом: у кого ступню зажало дверью-вертушкой, у кого руку прищемило крышкой пианино. У железной ротовой груши, при помощи которой можно было распяливать человеку рот до перелома челюсти, они опять стали прислушиваться.

— Радуйтесь, что ваш зубной врач еще не узнал о существовании такого прибора.

А у Иудиной колыбели, которая металлическим острием вонзалась жертве, подвешенной в петле, «сами знаете куда», разразилось прямо-таки ликование. Тем сильнее зрители были разочарованы, когда бородатый учитель истории сказал, что модель построена по описаниям и нельзя с уверенностью утверждать, применялось ли такое орудие пытки когда-либо в действительности.

Экскурсия еще некоторое время продолжалась, но Вайлеман больше не слушал то, что рассказывал гид. У каждого орудия пытки он стал представлять себя в роли пытаемого, что, разумеется, было полной чепухой, ведь теперь не средневековье, и все равно он не мог избавиться от навязчивых представлений — после того, что пережил. Он всегда плохо переносил боль, Дорис была права, называя его слабаком, потому что из-за пустякового гриппа он сразу ложился в постель умирать. «Мне достаточно было бы показать «испанский сапог», — размышлял он, — и я бы все рассказал, выдумал про себя напраслину, чтобы хоть в чем-то признаться. Да я бы даже не допустил до этого, сбежал бы раньше, скрылся под чужим именем. Раньше, когда еще не было биометрических паспортов и компьютерных программ опознавания, это еще было возможно, но теперь... Мне следовало бы действительно скрыться, — думал он, — где никто не станет меня искать, должно быть какое-то место, откуда я мог бы продолжать расследование, оставаясь вне наблюдения, но такого места нигде нет, уж не в Швейцарии точно и не в XXI веке, теперь перманентно живешь, будто в рентгеновском аппарате, весь прозрачный под колпаком».

Он внезапно ощутил в своей ладони чужую руку; она прокрадась к нему, как взломщик. Женщина, которая не оставляла его в покое с самого отъезда из Цюриха. Тут она прижалась к нему и тихо сказала:

— Я не могу это вынести. Это так ужасно, вы не находите?

— Да, ужасно.

— Но необходимо, — прошептала женщина. — Я хочу сказать: а как бы иначе они могли изобличить преступников?

«Или ведьм», — подумал Вайлеман, стараясь как можно незаметнее высвободить свою руку.

Экскурсия между тем дошла до «железной девственницы», гвоздя программы, изображенной даже на афише.

— Это настоящий многофункциональный прибор, — поучал гид. — Кто может мне сказать, почему?

Никто не вызвался, и старый учитель прокомментировал это замечанием, которое он наверняка делал уже тысячу раз:

— Не все сразу!

Он объяснил, что самое изысканное в «железной девственнице» то, что эта конструкция может применяться не только для пыток, но и для казни, все зависит только от длины гвоздей или кинжалов, направленных внутрь. Экскурсионная группа сбилась в кучку у раскрытой фигуры, один мужчина с неожиданным для его возраста проворством даже встал на колени на каменные плиты пола и изучал днище пыточной машины.

— Я всю жизнь проработал санитаром и, как специалист, сразу вижу, что здесь чего-то не хватает. Должен быть сток для крови, иначе тут было бы черт знает что.

Другие с ним согласились: да, грязный пол — это не дело. Гид, заметив, что его авторитет пошатнулся, напомнил, что надо торопиться, потому что на очереди уже следующая группа.

Последним пунктом была подземная темница. Кроме железных колец, закрепленных в голой каменной стене, там не было ничего сенсационного, но, когда вдруг погас свет и в темноте из громкоговорителя раздался звон цепей и стоны, воцарилась жуть, как в вагонетке аттракциона ужасов.

— Кто попадал сюда в заточение, — сказал гид, — тот исчезал из мира навеки, и его близкие не знали, жив ли он или уже умер.

Это был тот самый момент, когда Вайлемана осенило.

«Еще пока нет необходимости скрываться, — размышлял он, — но это может быстро измениться, если они все-таки идентифицировали его в этом распроклятом Доме Вечерней зари и узнали, кто охотится на их тайну. В таком случае потребуется убежище, на несколько часов или на несколько дней, такая нора, где можно бесследно укрыться, чтобы — как там сформулировал этот кровожадный педагог? — никто даже из близких не знал, живой ты еще или уже мертвый. А что могло быть надежнее, чем квартира

женщины, с которой он только что познакомился, чисто случайно и которую никто не смог бы упомянуть в связи с ним?»

Это была безумная идея, конечно, но ведь и вся ситуация была безумная, к тому же это не то чтобы сразу должно произойти, это был лишь план Б, позиция отступления на крайний случай, ведь выплачиваешь же каждый месяц страховку за несчастный случай, хотя надеешься, что этот несчастный случай с тобой никогда не случится.

Женщина стояла рядом, он ее не видел, но уже знал тот слабый запах чая и пота, который исходил от нее, и он нащупал в темноте и сжал ее руку.

— Вам тоже страшно? — шепотом спросила она.

— Вообще-то очень приятно. Прежде всего потому, что вы рядом со мной.

Тут раздался резкий крик боли, от которого все содрогнулись, но он исходил не от нее, а из громкоговорителя, последний звуковой эффект перед тем, как свет снова зажегся.

— На этом наш урок окончен, — сказал гид, и несколько человек захлопали в ладоши. — А кто хочет еще углубить свои знания, может приобрести мою брошюру «Средневековые методы казни и пыток». Всего пять франков, с иллюстрациями. Благодарю за внимание.

— Можно, я подарю вам такую брошюру? — спросил Вайлман свою соседку.

Она приняла это предложение, так застенчиво кивнув головой, будто речь шла о букете алых роз.